

УДК 330.8

А. В. Огинцова

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА В РАБОТАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ШКОЛЫ РЕГУЛЯЦИИ

Рассмотрены взгляды представителей французской школы регуляции на трансформации, произошедшие в пространственной экономике. Выделены основные теоретические схемы, в рамках которых проводят исследования французские ученые. Подробно рассмотрена концепция *local governance*, ее истоки и основные проблемы, которые она поднимает.

Школа регуляции; управление, основанное на эффективном взаимодействии интересов; пространство; институциональная близость; географическая близость.

В течение десятилетий экономическая наука развивалась вне существенных ссылок на конкретно-исторический, территориальный контекст. Явно или неявно экономические процессы всегда рассматривались с небольшой оговоркой — *caeteris paribus* (при прочих равных условиях — *лат.*), т. е. игнорируя конкретно-исторические условия, в которых они протекают. Именно такой подход и позволил в свое время установить законы общего равновесия. Он же обусловил превалирование трактовки территории как объекта и продукта исключительно государственного действия (регулирования), когда территория рассматривалась в качестве своеобразного «фона», на котором разворачивались «обезличенные» (в пространственном аспекте) и не привязанные к конкретному территориальному контексту социально-

экономические процессы. Подобное понимание пространства исключительно в качестве рамок локализации экономической деятельности отвечало как требованиям неоклассических теорий, так и политическим условиям, в которых развивались территории и местные сообщества большинства стран. И это объяснимо, поскольку превалирование централизованных форм территориального управления неизбежно приводило к восприятию пространства любого уровня как к своеобразному «резервуару», наполненному факторами производства, от эффективного структурирования и использования которых во многом зависели общенациональные показатели экономического роста. А эти показатели, равно как и характеристики развития территорий, зависели от результатов деятельности хозяйствующих субъектов.

Ситуация изменилась в последней четверти XX в., когда во многих странах прошла волна реформ по децентрализации, имеющих целью расширить самостоятельность местных властей. Подобные реформы стали, с одной стороны, результатом, а с другой — стимулом развития исследований территориальных факторов социально-экономического развития. В результате сегодня пространственная экономика превратилась в одно из наиболее динамично развивающихся направлений экономической науки.

Однако, как и прежде, основное внимание отечественных исследователей сконцентрировано на анализе работ англоязычных авторов, где традиционно ощущается сильное влияние неоклассических постулатов. Что же касается наработок, например, французских исследователей, то они мало известны российскому читателю. В предлагаемой статье мы попытаемся заполнить эту брешь, сосредоточив основное внимание на исследованиях французской школы регуляции, касающихся пространственной экономики.

ИСХОДНЫЕ ПОЗИЦИИ ШКОЛЫ РЕГУЛЯЦИИ

Французская школа регуляции, имеющая сегодня сторонников во многих странах мира, возникла во Франции в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. Являясь разновидностью современного институционализма, эта исследовательская программа пытается объяснить, каким образом институциональные структуры воспроизводятся через априорно противоречивые ожидания, интересы и действия экономических агентов¹. При этом, в отличие от англосаксонской разновидности неоинституционализма, регуляционизм изначально поставил в центр своего анализа макроэкономические проблемы институционального дизайна.

Первый этап в эволюции школы регуляции был связан с разработкой

¹ Подробнее о базовых положениях французской школы регуляции см.: [3].

концепции фордизма. В ее рамках определяющая роль в обеспечении интенсивного экономического роста отводилась отношениям найма, а точнее, конкретной их модели, сложившейся в послевоенный период, с ее особым типом организации труда и методом распределения его результатов.

Однако, как известно, 70—80-е гг. XX в. были отмечены глубинными трансформациями, затронувшими большинство стран мирового сообщества. В их основе лежала совокупность факторов как технологического, так и институционального характера.

Эти трансформации имели многочисленные последствия. Одним из них стал кризис фордистской модели регуляции, основанной, помимо прочего, на принципах жесткости и иерархичности в организации труда, на приоритете крупных предприятий, стандартизованном массовом производстве, обеспечивающем модель массового потребления.

Составной частью этих трансформаций стали реформы по децентрализации государственного территориального управления. В тех странах, где они проводились последовательно и привели к реальным результатам, сформировалась ситуация, которую характеризует расширение самостоятельности территориальных и муниципальных образований, проявившееся:

- в увеличении доходной базы местных бюджетов;
- в появлении новых акторов (игроков)¹ локального развития;
- в увеличении возможностей формирования межмуниципальных и межтерриториальных образований.

Перечисленное позволило говорить о территориальных и муниципальных образованиях как о новом факторе экономического роста.

Эти трансформации подвигли Ж. Бенко, М. Пайора и Ш. Сабеля к идее, согласно которой наступил период не только кризиса, но и теоретического исчерпания фордистской модели. Они утверждали, что в отличие от прежней, фордистской, системы, современная постфордистская модель регуляции основана на гибкой горизонтальной организации производства, анализ которой базируется на изучении механизмов функционирования дистриктов и «локальных производственных систем». Как результат, в рамках нового подхода центром исследования становится не предприятие, а территории.

По мнению представителей школы регуляции, в современных условиях развитие и инновации являются результатом функционирования не крупных предприятий (как это было ранее в условиях фордизма), а территории и конкретные местности; именно территория и местность представляют собой ис-

¹ Понятие «актор» в данном контексте отличается от понятия «субъект» тем, что несет в себе целеполагающую составляющую. Актер — это активный, действующий субъект. Актер представляет собой институциональную единицу, активного участника социально-экономического процесса.

ходный момент для формирования предприятия. Именно они являются источником динамики развития и экономического процветания предприятия (см., напр.: [5]). Только такой, «территориальный», подход, как подчеркивают французские исследователи, лежащий в основе формирующейся в современную эпоху пространственной экономики, способен преодолеть недостатки структуралистско-марксистских и неоклассических подходов, не способных объяснить природу современных факторов экономического роста.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИРОДЫ ТЕРРИТОРИИ

Первым, кто стал рассматривать динамизм территориальных социально-экономических систем по отношению к их внешнему контексту, во французской экономической литературе был Ф. Айдало. Высказанная им гипотеза сводилась к тому, что территория — это социальный конструкт, представляющий собой, во-первых, результат координации акторов, объединенных для решений особой, локально привязанной задачи. Во-вторых, совокупность территориальных ресурсов, задействованных в стратегии территории.

Местность стала определяться как «территориально привязанная совокупность, в которой взаимодействие между экономическими агентами развивается на основе взаимного накопления опыта (который, в свою очередь, становится источником специфических для инноваций экстерналий), а также на основе конвергенции опыта и навыков в направлении ко все более результативным формам совместного управления ресурсами [19, с. 9]¹.

По мнению представителей школы регуляции, сегодня территория перестает выступать в качестве абстрактного пространства или объекта административного нормативно-государственного воздействия. Она — не запас и не объединение технических и людских ресурсов, а активная единица, черпающая свой потенциал развития в локальных ресурсах в широком смысле этого слова. В состав этих ресурсов, помимо традиционных, включаются инновационные системы, институциональные акторы, сети и т. д. Территория все более входит в «экономическую игру» в качестве организационной и включающей социальное взаимодействие матрицы. Из более или менее однородных и достаточно простых в структурном аспекте анклавов территории превратились в активные производственные системы. И если раньше направленность локального развития задавал главным образом центр, то усложнение соци-

¹ Отметим, что в подобной постановке вопроса французские исследователи не одиноки. Аналогичная проблематика развивается в рамках калифорнийской школы экономгеографии (J. Scott, Michael Storper, et Richard Walker), та же проблематика поднимается в исследованиях кластеров в англосаксонской литературе (см., напр.: [20; 21]).

ально-экономической структуры общества, появление новых территориально локализованных субъектов, изменение их роли и характера деятельности приводит к тому, что эта функция переходит к новым акторам, поведение и деятельность которых становятся важнейшим фактором локального экономического развития. Являясь носителями различных (часто дивергентных) интересов, эти локальные акторы вынуждены искать компромиссные формы разрешения существующих между ними противоречий.

Отмеченные процессы и послужили основой формирования в рамках школы регуляции особого направления, предметом которого стали институциональные трансформации на локальном уровне. В целом за последние годы появилось немало работ, в которых предпринимаются попытки использования методологии школы регуляции для исследования региональных (в т. ч. локальных) проблем. Показательным в этом отношении является название работы А. Липеца и Ж. Бенко «От регуляции пространств к пространствам регуляции» [14]. На фоне обращения представителей теории регуляции к территориально-локальной проблематике наблюдается и обратное движение: рост заинтересованности проблематикой регуляционизма других направлений экономической мысли. Как отмечал в 1997 г. Ш. Демазьер, «в последние десять лет ряд географов и специалистов в области пространственной экономики интенсивно интересуются исследованиями в терминах регуляции» [8, с. 356], причем не только во Франции, но и в других странах¹.

ЛОКАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ, ОСНОВАННОЕ НА ЭФФЕКТИВНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ИНТЕРЕСОВ

Признание эволюции в факторах локального развития на фоне успехов по децентрализации территориального управления проявилось в формировании нового направления исследований, центральным понятием которого стало «*local governance*». Его перевод представляет значительные трудности, и, возможно, по этой причине в российской литературе оно не нашло пока однозначно устоявшейся трактовки. Мы склонны перевести этот термин как «управление, основанное на эффективном взаимодействии интересов». Чтобы объяснить это, обратимся к истории.

Понятие «*governance*» введено в научный оборот более полувека назад экономистами, развивающими идею корпоративного управления. О нем говорили как об институте, позволяющем сократить связанные с рыночным обменом транзакционные издержки. Впоследствии в рамках ОЭСР были

¹ В качестве примера можно привести статьи, опубликованные в журнале «Society and Space» (Environment and Planning D); специальный номер немецкого периодического издания *Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie* (1996. Vol. 40. № 1—2).

разработаны и приняты главами правительств принципы корпоративного управления, в основе которых лежат учет интересов акционеров и внимание к ним. Конкурентоспособность и итоговый успех корпорации являются результатом согласования и своеобразного компромисса интересов между наемными работниками, акционерами и собственниками капитала.

Параллельно с этим в 1997 г. в документах Программы развития ООН заговорили о *good governance* как о новой концепции государственного управления. В теоретических исследованиях данная проблематика получила развитие как реакция на снижение уровня вмешательства государственных институтов в экономические процессы, сопровождаемое *ростом значимости негосударственных структур и организаций в определении направленности развития* сначала общества, а впоследствии и отдельных территориальных сообществ. В противовес иерархической структуре государственного управления заговорили о модели или структуре, возникающей в общественно-политическом устройстве, как «общем» результате взаимодействия всех действующих лиц. Этот результат достигается, прежде всего, через столкновение и согласование интересов. Государство лишается роли главного арбитра и основной направляющей силы осуществляемых преобразований. Оно становится элементарным по отношению к другим, по многим вопросам равноправным с ним, институтам.

Подобная модель основана на своеобразном партнерстве всех субъектов, заинтересованных в решении проблем. Она не может быть сведена к одному актору или их группе [12, с. 258]. Иначе говоря, речь идет о механизме, посредством которого различные организации и институты (частные, публичные, государственные) сами ставят планку, на которую ориентируются.

Позже понятие «*local governance*» было использовано исследователями, учитывающими пространственное измерение в качестве неотъемлемого фактора экономических исследований. Растущая вовлеченность негосударственных структур в определение направленности развития локального сообщества, в разработку муниципальных и региональных программ позволила говорить о *governance* в локальном аспекте. Под *локальным управлением*, основанным на эффективном взаимодействии интересов, стали понимать форму локального регулирования и динамической взаимозависимости между агентами (в частности, производственными) и локальными институтами. Именно она и была взята на вооружение французскими исследователями.

Так, Б. Пекёр определяет локальное управление, основанное на взаимодействии интересов, как «созидательный институциональный и организационный механизм по приведению в соответствие различных способов координации между географически близкими акторами в целях решения спе-

цифических производственных проблем, стоящих перед территорией» [15]. Несколько иной аспект затрагивает М.-А. Филиппа, говоря о «разрешении противоречий между независимыми составными частями целого, которые стоят перед необходимостью взаимодействовать и разделять общие результаты без каких-либо иных принудительных механизмов» [9, с. 9].

Данный подход, помимо прочего, позволяет рассматривать территорию в качестве активного участника процесса сокращения транзакционных издержек между фирмами. По этой причине она представляет собой адекватный уровень координирования локальных коллективных действий, где акторы или группы акторов, участвующие в местном самоуправлении, могут иметь разные мотивы для объединения в целях достижения преимущества, которое получит каждый из членов от совместных действий [13, с. 6].

Управление, основанное на эффективном взаимодействии интересов, — не управление в традиционном смысле. Речь в данном случае идет о многоуровневом согласовании интересов частных и публичных акторов вокруг конкретного проекта (программы), имеющего целью решение какой-либо производственной проблемы. По словам О. Кревуазье, оно не «навязывается» извне, но является результатом взаимодействия некоторого числа групп, которые влияют друг на друга¹.

Такое новое понимание локальных проблем логично вписалось в методологию регуляционизма, внимание которого всегда сосредоточивалось не на отдельных, даже весьма значимых, институтах, а на вопросе о комплементарном взаимодействии отдельных институтов, в своей совокупности и взаимозависимости образующих систему.

Перенося такое понимание комплементарности институциональной системы на анализ территориального управления, основанного на взаимодействии интересов, Ж.-П. Жили и Ж. Перра вводят понятие «институциональная гибридизация» [10], использование которого, как мы полагаем, является определенным шагом вперед при попытке понять особенности происходящих на локальном и региональном уровнях процессов.

Сегодня много говорят о том, что важнейшей задачей, стоящей перед государством, а особенно государством федеративным, является эффективное распределение полномочий между различными уровнями территориального управления. Важнейшей составляющей этого процесса является то, что действующие в рамках отдельных территориальных (в т. ч. муниципальных) сообществ институциональные нормы имеют различное происхождение (федеральное, субфедеральное, муниципальное).

Однако гораздо реже встречаются работы, где помимо «взаимоналоже-

¹ Этот вопрос подробно рассмотрен, напр.: [7].

ния» формальных институциональных норм исследуются вопросы, связанные с переплетением формальных институтов и неформальных норм и правил.

Если придерживаться традиционной концепции территориального управления, то переплетение формальных и «исконно локальных» неформальных институтов и норм не принципиально. Во внимание принимаются только вопросы, связанные с деятельностью органов территориального управления, осуществляющих исключительно властные полномочия. Однако, как только мы принимаем методологию, согласно которой развитие местного самоуправления основывается на взаимодействии интересов, картина меняется. Переплетение формально-правовых и исконно локальных неформальных институтов и норм становится важнейшим фактором, обуславливающим конкретную модель местного самоуправления. Возникает ситуация, когда единые для государства институциональные нормы, сталкиваясь с исконно локальными, получают в результате конкретно-локальную форму реализации. Этот процесс именуется «институциональная гибридизация».

Принимая во внимание существенные различия между пространствами различного уровня, учет институциональной гибридизации позволяет Ж.-П. Жили и Ж. Перра сделать следующие выводы:

- пространство глобальной регуляции является носителем институциональных форм, которые применяются к локальному пространству в качестве норм, ограничивающих и разрешающих локально достигаемые компромиссы;
- траектории территориального развития зависимы от форм взаимодействия между различными пространственными уровнями (локальным, региональным, национальным);
- недопустимо рассматривать экономические взаимоотношения пространств различного уровня в рамках принципа иерархичности [10].

Таким образом, использование категории «governance» применительно к локальному срезу общественных отношений подчеркивает, что в современных условиях местное самоуправление все больше основывается на процессах взаимодействия, сотрудничества и переговоров между разнородными по кругу своих интересов участниками. Это взаимодействие становится неизбежным, помимо прочего, вследствие того, что ни один актор (публичный или частный) не располагает необходимыми знаниями (в т. ч. информацией) и средствами для решения насущных проблем. Поэтому любое локальное сообщество, наделенное собственными полномочиями, осуществляет свои функции совместно с другими публичными и частными институтами, имеющими собственные интересы и/или несущими ответственность в сфере своих компетенций.

С учетом этого, в рамках концепции локального управления, основанного на эффективном взаимодействии интересов, выделяется три уровня институтов локального (в т. ч. местного) управления, иерархические связи между которыми не являются предзаданными.

Первый уровень — локальные и муниципальные образования, получившие значительные дополнительные финансово обеспеченные полномочия.

Второй уровень — межрегиональные и межмуниципальные образования, создаваемые для совместного решения социально-экономических проблем¹.

Третий уровень — неформальные институты, к которым относятся такие формы, как конференции, форумы. В их рамках локальные власти совместно с общественностью ставят на обсуждение и решают проблемы локального развития.

Исследования французских регуляционистов показывают, что институционализация выделенных уровней создает качественно новую ситуацию, когда в основе выделения субъектов местного самоуправления лежат не политико-административные границы, а факторы социально-экономические, и прежде всего — общность интересов проживающего населения.

Территория становится местом пересечения сетей (физических и человеческих, формальных или неформальных), стратегий и взаимозависимостей между связанными друг с другом социально-экономическими субъектами.

КОГНИТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛОКАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Признание растущей вовлеченности негосударственных институтов и акторов (частных, публичных, ассоциативных) в определение форм и направленности локального развития выводит исследователей на постановку еще одного важного вопроса.

Современный этап общественного развития, усложнение потребностей как общества в целом, так и отдельных территориальных сообществ и населения, проживающего на соответствующей территории, приводят к тому, что ни один отдельно взятый актор не располагает необходимыми знаниями, информацией и ресурсами для эффективного решения стоящих проблем. Именно из этого факта представители школы регуляции выводят необходимость взаимодействия локальных акторов для выработки наиболее эффективного варианта решения той или иной проблемы. Однако из этого же факта следует еще один вывод: эти знания, информация и ресурсы становятся

¹ Так, например, в 2005 г. 85% населения Франции было охвачено различными формами межмуниципального самоуправления.

важнейшими факторами, определяющими потенциал развития местного сообщества. Иначе говоря, речь идет о когнитивном факторе локального развития, т. е. об изменении роли и места знаний и опыта в составе ресурсов, условий и результатов экономической деятельности, в данном случае — в пространственном ее аспекте.

Привлечение к анализу когнитивной составляющей общественных отношений является отличительной чертой современной экономической науки, хотя еще А. Маршалл говорил о важности когнитивной составляющей в факторах локального развития. В 1890 г. в своем фундаментальном труде «Принципы экономической науки» он писал: «Когда какое-нибудь производство выбрало для себя местонахождение, то вероятнее всего, что оно будет оставаться там долго, поскольку уж очень велики выгоды, извлекаемые людьми, принадлежащими к одной квалифицированной профессии, из близкого соседства друг с другом. Тайны профессии перестают быть тайнами, но как бы пронизывают всю атмосферу, и дети бессознательно познают многие из них» [2, с. 352]. Позднее, в 1919 г., в работе «Промышленность и торговля» он показал, как на фоне общего процесса концентрации капитала и увеличения размеров предприятий сохранялось множество мелких производителей. В противоречии с общей тенденцией капитализма в некоторых зонах можно было наблюдать сохранение очень специфичных навыков и опыта, множества мелких предприятий, которые продолжали успешно существовать, не будучи поглощенными крупными предприятиями. Подобные, в своей основной массе мелкие, промышленные предприятия специализировались на производстве однотипной продукции и локализовывались на ограниченном пространстве, что и явилось основой формирования промышленных дистриктов.

Именно анализ промышленных дистриктов и является первой попыткой учета когнитивной составляющей пространственного развития. В этих дистриктах «промышленная атмосфера, которой дышат дети», по образному выражению А. Маршалла, а также среда, способствующая появлению, распространению и внедрению новых идей, являются культурной характеристикой экономики, основанной на территориальной близости. На примере промышленных дистриктов видна значимость этой близости. Дистрикты показывают метод географически привязанной экономической организации, который является не только оригинальным по отношению к классическим теориям локализации, но и учитывает когнитивно-территориальный контекст производства [16, с. 5].

Как справедливо отмечают французские исследователи, в современных условиях требуется замена понятия «пространство» как источника производственных ресурсов, затрат и пассивного носителя производительных

факторов развития (прежде всего технических) понятием «территория», важнейшим фактором которой становится взаимодействие между локальными, прежде всего экономическими, акторами, разделяющими, помимо прочего, общую территориально обусловленную культуру. При этом феномен локальности рассматривается не только в чисто географическом аспекте, но и в аспекте институциональном.

Иными словами, речь идет о новых факторах роста (отнюдь не только чисто экономических), исторически сложившихся в данном конкретном местном сообществе, а потому не подлежащих слепому копированию и не передаваемых в другие места¹. Данная гипотеза послужила основанием для появления во Франции нового направления, или, скорее, подхода, получившего название «экономика близости» (*Economie de proximités*) [4].

Разделяя основные посылки этого подхода, регуляционисты предпринимают попытку разграничения таких понятий, как географическая близость, характерная для традиционной региональной экономики, и близость институциональная, связывающая определенное количество фирм и экономических агентов на данной территории на основе общего для всех интереса. Несомненно, такой подход обогащает традиционные представления о пространстве в качестве простой «подложки» для экономической деятельности. Подход через географическую и институциональную близость акцентирует внимание на проблемах координации, согласования интересов акторов. Без подобной координации территория обречена оставаться своеобразным пассивным пространством, подвергающимся (или испытывающим на себе) воздействию внешних сил.

Сторонники этого направления также отмечают, что до сих пор экономическая наука создавала впечатление, будто экономическое развитие разворачивается в абстрактном мире, не имеющем никакой территориальной привязанности. Однако на самом деле конкретное место, где разворачиваются экономические процессы, влияет на их результат не меньше, чем временные и исторические моменты, являющиеся основной негласной предпосылкой большинства предшествующих теорий.

При этом географическое пространство не должно пониматься как чисто физические рамки, характеризующиеся материальными факторами, которые участвуют в экономическом процессе. Оно имеет основополагающее социальное измерение, позволяющее воспринимать его как активный конструкт общественных отношений. Пространство — это понятие, включающее не только его название и физические границы, но и историю, имущество (достояние), образ жизни, население, предшествующие взаимодействия и т. д.

¹ По нашему мнению, этот вывод является своеобразным развитием теории ренты Маркса, выделявшего особую форму ренты — дифференциальную ренту II.

Подобное понимание и превращает пространство в своеобразную когнитивную составляющую экономического развития [16, с. 5—6], в важный фактор, облегчающий общение и стимулирующий социальное взаимодействие людей, проживающих на данной территории.

В организационном плане принадлежность к одному пространству создает благоприятные условия для управления на основе взаимодействия интересов. В соответствии с классической идеей, физическое пространство структурировано транспортной и коммуникационной инфраструктурой. Эта инфраструктура представляет собой материальные рамки, которые облегчают движение информации, физических благ и индивидов. В частности, акторы, целью которых является производство знаний, будут получать выгоду в случае, если будут жить в пределах одного пространства, пользуясь преимуществом оттого, что они находятся рядом.

Но географическая близость из положительного фактора способна превратиться в фактор отрицательный. Нежелательное соседство может вынудить членов какого-либо сообщества (территориального, профессионального, политического) к переезду. Литература по конфликтным ситуациям приводит множество примеров неравенства, связанного с топографическим расположением акторов (загрязнение воды одним пользователем отражается на качестве воды, потребляемой другим пользователем, расположенным ниже по течению реки) [6; 11].

Так, как отмечают А. Ралле и А. Торр, нередки случаи, когда соседи практически полностью игнорируют друг друга, тем более что технологии коммуникации предоставляют возможность быть одновременно в двух местах и, следовательно, быть «близко» от кого-либо географически удаленного (см., напр.: [18, с. 28—29]). Таким образом, географическая близость может стать источником основополагающего неравенства, создающего отношения власти между акторами локального управления, основанного на взаимодействии интересов. Однако это не означает, что в данном случае любое взаимодействие становится изначально невозможным, т. к. лица, не имеющие возможности переехать в другое место, вынуждены смириться с негативными экстерналиями близости. Такое положение само по себе — сильный стимул к компромиссу и, в более общем плане, к координации, мобилизуя позитивную составляющую общих когнитивных ресурсов.

В итоге географическая близость влияет на координацию, в одних случаях облегчая ее, в других — сдерживая. Организационная близость связана с существующими в обществе конкретными формами отношений между людьми. Эти отношения интегрируют рыночные и нерыночные составляющие, институциональные и рутинные факторы. Что же касается институциональной близости, то она предполагает наличие совокупности более или менее

формализованных норм, разделяемых всеми членами данного сообщества, в т. ч. и в рамках представительной системы и неформальных институтов.

Эти моменты являются определяющими для формирования локального управления, основанного на эффективном взаимодействии интересов. «Смешанная близость, объединяющая в себе географическую и институциональную близость акторов, в современных условиях становится основополагающей характеристикой процесса координации» [17, с. 5], а значит, от институциональной формы ее реализации зависит стабильность социально-экономической системы в целом.

Учет фактора институциональной близости позволяет несколько изменить определение локального управления, основанного на эффективном взаимодействии интересов. В данном случае оно понимается как механизм достижения компромиссов между различными институциональными близостями (пространствами), объединяющими географически близких акторов в целях совместного решения стоящих перед местными сообществами проблем [10].

Расширение самостоятельности локального управления, наделение его новыми, затрагивающими повседневные потребности населения полномочиями приводит к появлению еще одной когнитивной составляющей в стратегическом выборе хозяйствующих субъектов — кадровой. Речь идет не просто о кадрах, а об их «включенности» в среду данного муниципального образования. И это объяснимо, поскольку реализация любой программы развития муниципальных образований зависит не столько от самой этой программы, сколько от людей, живущих и работающих на данной территории и реально заинтересованных в ее выполнении. На содержание таких программ большое влияние оказывает та когнитивная среда, в которой происходит их разработка. Эта среда, в основе которой лежит совокупность формальных и неформальных связей, существующих между членами местного сообщества, представляет собой сложную матрицу с циркулирующими в ней потоками знания и информации. На важность формирования подобной когнитивной среды указывает, в частности, реализация таких моделей и стратегий локального развития, как кластеры, технополисы, локальные производственные системы или промышленные дистрикты. Подобная среда обуславливает появление между участвующими в локальном развитии субъектами определенной общности интересов, синергии, результатом которой является появление «глубоко укорененного» знания, представляющего собой своеобразное коллективное конкурентное преимущество данного муниципального образования.

В качестве примера здесь можно привести опыт некоторых штатов США, где уже давно сделана ставка на создание при университетах «центров пере-

довой технологии», задачей которых является оказание содействия в коммерциализации научно-технических достижений. Так, в штате Нью-Джерси еще в конце 1980-х гг. существовало восемь подобных центров. В них велась работа по проблемам вычислительной техники, промышленной керамики, биотехнологии и медицины, переработки пластмасс, применения компьютеров на производстве. В штате Огайо действовало восемь Эдиносовских технологических центров, где силами университетских ученых изучались проблемы промышленности, актуальные для этого штата. При этом каждый центр имел определенную специализацию. К сотрудничеству в них были привлечены все университеты штата и более 500 промышленных компаний [1, с. 53].

В целом локальное управление, основанное на взаимодействии интересов, представляется как взаимодействие совокупности институциональных, политических, экономических и социальных акторов в целях реализации долгосрочного проекта развития. При этом формирование сети акторов локального развития рассматривается как процесс обмена знаниями и оценками между всеми партнерами, которые, однако, оставляют за собой значительную часть самостоятельности в сфере своих стратегических выборов.

Подводя итог анализу регуляционистских взглядов на современные институциональные трансформации, затрагивающие территориальный срез общественных отношений, считаем нужным отметить, что эти представления, несомненно, обогащают существующие представления о сущности и направленности наблюдаемых преобразований. Методология регуляционизма открывает новые возможности для исследования проблем, описываемых категорией «*local governance*».

Ориентация отечественных ученых и практиков на англоязычную экономическую литературу, определяющую экономический мейнстрим, приводит к игнорированию теоретических постановок, характерных для неортодоксальной экономической науки. В последнее время этот вывод звучит все чаще и чаще. Не секрет, что многие негативные последствия проводимых рыночных преобразований непосредственно связаны с механическим копированием опыта, доказавшего себя (пускай и с положительной стороны) в других странах. Подобное копирование, вполне допустимое в рамках мейнстрима, абсолютно неприемлемо с точки зрения неортодоксальных доктрин, делающих ставку на конкретно-исторические условия и факторы развития отдельных стран и регионов. Полагаем, что данная статья привлечет внимание российских ученых к одной из заметных ветвей современной неортодоксальной экономической науки — к французской школе регуляции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дагаев А. А.* Мировая практика регионального инновационного развития // Движение регионов России к инновационной экономике / Под ред. А. Г. Гранберга, С. Д. Валентя. М.: Наука, 2006.
2. *Маршалл А.* Принципы политической экономии. М., 1984. Т. 1.
3. *Одинцова А. В.* Теоретические основы французского регуляционизма // Экономическая наука современной России. 2010. № 2 (49). С. 25—41.
4. *Украинский В. Н.* Современная французская пространственная экономика: теория близости и типологизация локализованных экономических систем // Пространственная экономика. 2011. № 1. С. 92—126.
5. *Camagni R., Maillat D.* Milieux innovateurs, théorie et politique. P.: Economica, 2006.
6. *Caron A., Torre A.* Quand la proximité devient source de tensions: confits d'usages et de voisinage dans l'espace rural. 4th Proximity Congress // Proximity, Networks and Co-ordination. Marseille. June. 2004.
7. *Crevoisier O., Kebir L.* Les ressources culturelles entre réseaux internationaux et développement local // Working paper 6/2007-F, GRET, 2007.
8. *Demazière J.* Espace et régulation: lectures // L'année de la régulation. 1997. Vol. 1.
9. *Filippa M.-A.* Systèmes productifs, gouvernance locale et trajectoire des territoires. Forum de la regulation. 9—10 octobre 2003. <http://webu2.upmf-grenoble.fr/regulation/> Forum. Дата обращения: 15.06.2008.
10. *Gilly J.-P., Perrat J.* Développement local et coopération décentralisée. Entre gouvernance locale et régulation globale. Colloque Economie Méditerranée Monde Arabe, Sousse 20—21 septembre 2002. http://web.univ-peau.fr/Rechercheupmf-grenoble.fr/pepse/IMG/pdf/L_harmattan_Lamande>Samson.pdf. Дата обращения: 21.05.2008.
11. *Kirat T., Lefranc C.* Les conflits d'usage et leur expression territoriale: une analyse des profils contentieux de sept départements français. 4th Proximity Congress Proximity, Networks and Coordination. Marseille. June. 2004.
12. *Kooiman J.* Findings, Speculations and Recommendations, dans J. Kooiman (dir) Modern Governance. London: Sage, 1993.
13. *Leloup F., Moyart L., Pecqueur B.* La gouvernance territoriale comme nouveau mode de coordination territoriale? // Géographie, Économie, Sociétés. 2005. № 7. <http://iga.ujf-grenoble.fr/territoires/publications>. Дата обращения: 15.02.2009.
14. *Lipietz A., Benko G.* De la régulation des espaces aux espaces de régulation / R. Boyer, S. Saillard. L'état de la théorie de la regulation. La Découverte. P., 1995.
15. *Pecqueur B.* Le développement local, Syros, 2-e édition revue et augmentée, 2000. Цит. по: <http://www.globenet.org/archives/web/2006/www.globenet.org/horizon-local/> Дата обращения: 21.02.2005.
16. *Pecqueur B.* Le tournant territorial de l'économie globale // Espaces et sociétés. 2006. № 124—125/2-3. <http://iga.ujf-grenoble.fr/territoires/publications> 1. Дата обращения: 02.09.2008.
17. *Pecqueur B., Ternaux P.* Mondialisation, restructuration et gouvernance territoriale // Géographie, économie, société. 2005. № 7.
18. *Rallet A., Torre A.* Proximité et localisation // Economie rurale. 2004. № 280. mars — avril. P. 25—41.
19. Réseaux d'innovation et milieux innovateurs : un pari pour le développement régional / eds Maillat, Quévit et Senn. GREMI/EDES, 1993.
20. *Storper M., Walker R.* The Capitalist Imperative: Territory, Technology, and Industrial Growth. Oxford, UK: Basil Blackwell, 1989.
21. *Walker R.* The Geographical Organization of Production Systems // Environment and Planning D: Society & Space. 1988. № 6 (4).